

УДК 94+94(470+571)+94(574)

КОЧЕВАНИЕ И СЕДЕНТАРИЗАЦИЯ НОМАДОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,

Калмыцкий государственный университет

имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет

имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

E-mail: elomakaeva@mail.ru

А н н о т а ц и я

В настоящем исследовании рассмотрена история кочевых народов Евразийской степи. Хронологические рамки — вторая половина XVIII–первая половина XIX в. Этот период является менее изученным в современном кочевниковедении, в том числе, в отношении калмыков, казахов и ногайцев. В истории Российского государства и кочевых народов, населяющих его, кочевание и переход на оседлый образ жизни всегда играли существенную роль. В XVIII в. Российское правительство стало активно привлекать кочевников к сельскохозяйственному труду. Традиционное скотоводческое хозяйство кочевников было высокопродуктивным. Оно было ориентировано, прежде всего, на личные нужды и содержание рода и семьи. Скот в жизни кочевника всегда играл огромную роль и являлся мерилом состоятельности, основным капиталом и важнейшим источником питания, средством передвижения (гужевым транспортом) и товарообмена, основой для изготовления жилища и одежды. Авторы уделяют внимание проблеме землевладения и землепользования, с которой столкнулись кочевые общества в указанный период, что выразилось на практике в ограничении и уменьшении кочевых земель, и это, безусловно, повлияло, в частности, на экономическое положение кочевых народов Евразийской степи. Кочевое население Российской империи по-прежнему продолжало вести кочевую жизнь и заниматься главным образом кочевым скотоводческим хозяйством. Процесс кочевания, выбор и распределение пастбищных угодий, а также другие основные элементы трудового процесса определялись только экономической и хозяйственной целесообразностью. Вследствие этого кочевой способ производства в Российском государстве сохранил в полной мере все свои основные параметры функционирования и не претерпел сколько-нибудь значительных изменений во второй половине XVIII–начале XIX вв.

Ключевые слова

Кочевники, оседлость, калмыки, казахи, ногайцы, кочевой образ жизни, Евразийская степь, Калмыцкая степь, коренная трансформация образа жизни и хозяйства скотоводов.

UDC 94+94(470+571)+94(574)

NOMADISM AND SEDENTARIZATION OF EURASIAN STEPPE NOMADS IN THE SECOND HALF OF XVIII– FIRST HALF OF XIX CENTURIES

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Ellara U. Omakaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Annotation

This study examines the history of the nomadic peoples of the Eurasian steppe. The chronological framework is the second half of the 18th–the first half of the 19th century, which is less studied in modern Nomad studies, including in relation to the Kalmyks, Kazakhs and Nogais. In the history of the Russian state and the nomadic peoples inhabiting it, nomadism and the transition to a settled way of life have always played a significant role. In the XVIII century, the Russian government began to actively involve nomads in agricultural work. The traditional pastoral economy of the nomads was highly productive and was oriented, first of all, to their personal needs and the maintenance of their clan and family. Livestock has always played a huge role in the life of a nomad and was a measure of wealth and poverty, fixed capital and the most important food product, a method of transportation (horse-drawn transport), a means of exchange and the basis for making a home and clothing. The authors pay attention to the problem of land ownership and land use, which nomadic societies faced during this period, which resulted in practice in limiting and reducing nomadic lands, and this, of course, affected, in particular, the economic situation of the nomadic peoples of the Eurasian steppe. The nomadic population of the Russian Empire still continued to lead a nomadic way of life and was mainly engaged in nomadic pastoralism. The process of nomadism, the selection and distribution of pasture lands, as well as other basic elements of the labor process were determined only by economic expediency. As a result, the nomadic mode of production within the Russian state retained in full measure all of its basic parameters of functioning and did not undergo any significant changes in the second half of the 18th and early 19th centuries.

Keywords

Nomads, settlement, Kalmyks, Kazakhs, Nogais, nomadic lifestyle, Eurasian steppe, Kalmyk steppe, radical transformation of the lifestyle and economy of cattle breeders.

ВВЕДЕНИЕ

В истории Российского государства и кочевых народов, населяющих ее, кочевание и переход на оседлый образ жизни всегда играл существенную роль. Хронологические рамки исследования вторая половина XVIII–первая половина XIX в., который является менее изученным в современном кочевниковедении, в том числе, в отношении калмыков, казахов и ногайцев.

Поставленные задачи являются оправданными с точки зрения целей данной работы и объединение в ее рамках различных по происхождению и особенностям тюркоязычных народов — казахов, ногайцев и монгольского народа ойратской группы (калмыков), исповедующих буддизм. Анализ проблемы скотоводства этих народов имеет особый интерес в силу ряда причин. В их традиционных культурах на примерах пищи, одежды, жилища выявлены идущие от древних кочевников кочевые традиции и стереотипы. Поэтому в номадных территориях гораздо быстрее складывалась хозяйственная и культурная общность, в силу общих условий существования, хозяйственной деятельности и однородной экономики, т.е. стремительнее протекал конвергентный процесс накопления однотипных культурных признаков. У калмыков, казахов и ногайцев сложился полный набор хозяйственно-культурных типов: кочевники и полукочевники, частично оседлые пашенные земледельцы (за исключением калмыков) и скотоводы.

Скот в жизни кочевника являлся мерилем состоятельности и нищеты, основным капиталом и важнейшим продуктом питания, способом передвижения — гужевым транспортом, средством товарообмена и основой для изготовления жилища и одежды. Как отметил Ч. Валиханов, «кочевой степняк ест, и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твоё семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний» (Валиханов, т. 2: 28).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическую основу публикации составили важнейшие основополагающие принципы — историзма, системности, объективности, способствующие глубокому изучению представленного предмета исследования целостно и во взаимосвязи всех его аспектов, в контексте общеисторических явлений и процессов. В качестве источниковой базы использованы документы Национального архива Республики Калмыкия.

ОБСУЖДЕНИЕ

Историография проблемы истории номадизма в настоящее время представляется весьма актуальной и научно значимой проблемой. Дело в том, что за последние несколько десятилетий в рамках российской востоковедной науки произошли достаточно серьезные изменения в методологических подходах к изучению

истории кочевых народов. Проблема изучения цивилизации кочевых народов, их образа жизни и перехода на оседлость вызывает в современной исторической науке неподдельный интерес. Так, труды классиков российского и зарубежного кочевниковедения И. Я. Златкина (1983), Г. Е. Маркова (1976, 1989), Н. Н. Крадина (2007, 1992, 2014, 2001), С. А. Васютина (2011, 2009), Т. Д. Скрынниковой (2006, 2013), Н. Э. Масанова (1987, 1996, 1984), С. Е. Толыбекова (1971), А. М. Хазанова (1981, 1984) являются, можно сказать, для молодых исследователей наглядной моделью изучения истории кочевых народов. В последние два-три десятилетия интерес к номадизму, особенно среди зарубежных ученых, значительно возрос (Barfield, 1992, 2000; Naas, 2001). При этом в своих работах ученые основное внимание уделяют истории кочевых народов Евразийских степей в более поздней древности и средневековье.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Правовое положение различных страт кочевого населения Евразийских степей в XVII-XVIII вв. имело свою специфическую особенность. В земледельческих регионах, социальные отношения выстраивались более четко, в отличие от кочевников, поскольку у скотоводов они были скрыты родовыми и религиозными архаизмами. Особенностью кочевого народа являлось наличие авторитетной родовой группы или патронимической организации, определяющей юридические отношения в кочевом обществе. По мнению казахского ученого Н. Масанова: «Все знания среди кочевников передавались устно от предков, поэтому родство играло такую важную роль. Право старшинства соблюдалось при наследовании имущества, скота, наследовании власти, при разделе военной добычи, распределении подарков, пищи и т.п. Принадлежность к определенному роду определяла социальное положение человека и отношение к нему со стороны окружающих. Все казахские племена делились на три крупных сегмента — Старший жуз, Средний жуз и Младший жуз. Соответственно, высшие представители власти (ханы), как правило, происходили из Старшего жуза, в то время как представители Младшего жуза занимали самое низкое социальное положение. История возникновения казахских жузов как крупных племенных объединений до сих пор вызывает споры среды ученых. Одной из гипотез является географическая. Согласно этой гипотезе образование жузов связано с естественным географическим делением Казахстана на три географические области» (Масанов, 1995: 58). Таким образом, различные формы зависимости в нормах обычного права у оседлых народов определялись в форме собственности на землю, а у кочевников объектом товарно-денежных отношений, как указывалось выше, являлся скот. Поэтому в кочевом обществе зависимые отношения долгое время не проявлялись и не получали юридического оформления. Лишь с вхождением кочевников в состав Российского государства эти отношения получили юридический статус. С начала XIX в. Российская империя занимает протекционистскую позицию к кочевому населению, находящемуся на более низкой ступени своего социально-экономического развития и ее колониальная политика направляется, в первую очередь, на плавный переход их на оседлый образ жизни как основу цивилизованности. Однако традиционной российской системе управления пришлось столкнуться с особенностями кочевого общества — чрезвычайно развитой родовой структурой номадов, которые относили интересы своего рода к высшим духовно-нравственным ценностям. Наиболее четко

жесткая классовая иерархия, корпоративность, чувство единства среди кочевых народов Прикаспийского региона выражалась у калмыков, привыкших к наличию постоянных внешних угроз и суровому степному климату. К тому же, калмыки-кочевники оценивали свой высокий социальный статус, свою полноценность только при наличии большого количества скота, что соответственно можно отнести к его бытовым ценностям.

В XVIII–первой половине XIX вв. для кочевых народов скотоводство продолжало оставаться основой экономики. Классической видовой моделью стада в кочевом обществе являлись в основном четыре вида скота (овцы, лошади, крупный рогатый скот, верблюды) и в меньшей степени козы. Из этого традиционного набора скота кочевников, в особенности у монгольских номадов в наиболее засушливой зоне обитали верблюды, овцы и козы. Особенно интенсивно у кочевых народов развивалось коневодство, которое являлось престижным для кочевника, ввиду их военного и социального характера. Традиционное скотоводческое хозяйство кочевников было высокопродуктивным и было ориентировано, прежде всего, на свои личные нужды и содержание своего рода и семьи. Главной особенностью скотовода–степняка являлось круглогодичное содержание скота на подножном корму. Согласно Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. скотоводческое хозяйство являлось доминирующим видом занятий и основным источником существования наибольшей части кочевого населения, в том числе и у ногайцев. Ногайцы в конце XVIII в. локализовались на равнинной части от Азовского до Каспийского морей, образуя Прикаспийскую, Кубанскую и Большую Ногайскую Орды. Численность ногайцев, населявших земли между реками Зеленчук и Арса, составляла около 8 тыс. семей. Прикаспийские ногайцы проживали в 44 аулах, в т.ч. 8 аулов, то есть примерно 500 кибиток (семей) были во владении аксаевских князей, 12 — князей эндиреевских и костековских (примерно 600 кибиток), а 24 аула (примерно 300 кибиток) находились во владении Шамхала Тарковского (Гильденштедт, 1999: 384-385). Но к середине XIX в. на Северном Кавказе их осталось лишь около 90 тыс., поскольку большая часть ногайцев после окончания Кавказской войны эмигрировала в Османскую империю (Аджиниязова, 2017: 56). Характер кочевания ногайцев был локально-пастбищным, т.е. совершалась сезонная перекочевка с одного места летом — в другое в зимнее время. Такие передвижения кочевников происходили по строго продуманной системе, для каждого сезона в году определялись благоприятные территории с точки зрения наличия корма для скота, водопоя и укрытия от непогоды.

Калмыки, утвердившись на своих территориях в 40–60-х гг. XVII в., сформировали подобную систему перекочевки — меридиональную и распределяли пастбища по сезонам, что во многом было схоже с маневрами ногайцев. Зимой калмыцкий скот перегонялся на юг. На юго-востоке они располагались кочевьями по Куме и Тереку, на юго-западе они занимали земли, прилегавшие к рекам, впадающим в Маныч, Азовское море и Нижний Дон. Часть калмыцких улусов проходила зимовку в Мочагах — прибрежной северо-западной части Каспийского моря (История Калмыкии, 2009: 313).

Полуоседлые кочевники ногайцы Терско-Кумского междуречья (караногайцев), (часть джембойлуковцев и большинство едишкульцев) «Закумских» групп туркмен занимались стационарным кочеванием, т.е. кочевали вблизи одного или нескольких

источников, при этом, далеко не удаляясь и, таким образом, не уходя на летние пастбища. Летом в селениях оставалась небольшая часть скота. Основную часть поголовья ногайцы отгоняли в горы, на коши — сезонные загоны для овец с временными жилищами для пастухов. В зимнее время скот содержался в стойлах и загонах. С переходом на оседлый образ жизни, у незначительной части кочевников стало формироваться придомно-стойловое содержание скота. Ведущая роль принадлежала мелкому рогатому скоту у ногайцев — курдючной и карагаевской овце. В домашнем хозяйстве они использовали буйволов, волов, а для получения молочных продуктов содержали коров и коз.

Сложный производственный процесс в кочевых хозяйствах кочевых народов Евразийских степей во многом был схож и включал в себя множество взаимосвязанных задач. Прежде всего, перекочевка скота, «охрана и выпас, дойка и переработка молочных продуктов, стрижка, сбор и переработка шерсти, прием молодняка и уход за ним, снятие шкур и их обработка, транспортировка грузов и т.д. Производственный цикл в кочевом скотоводческом хозяйстве подобен земледельческому, где вехой, отделяющей один цикл от другого, является сбор урожая. У кочевых скотоводов такой вехой был прием молодняка, у них производственный цикл равен периоду между расплодами» (Златкин, 1982: 261).

В XVIII-XIX вв. большая часть кочевых народов: казахи, киргизы, туркмены вошла в состав Российской империи. Российское правительство в XVIII в. стало активно привлекать кочевников к земледельческому труду. Однако резко континентальный климат, засушливое лето и сильные суховеи, зачастую бесснежная зима и частые гололедицы зимой, а самое главное, отсутствие воды, особо не стимулировали степных кочевников к занятию земледелием. Тем более, что существовал традиционный стереотип номада к хозяйственно-земледельческому типу и оседлому образу жизни. Поэтому земледельческое хозяйство не послужило надежной материальной базой для жизнедеятельности вчерашних кочевников, оставаясь второстепенной и вспомогательной отраслью экономики. Переход калмыков к земледелию не особо одобрялся верхушкой калмыцкого общества, поскольку бывший кочевник отрывался от своих родовых мест и в определенной степени переставал подчиняться калмыцким властям. Так, жена калмыцкого хана Дондук-Даши препятствовала переходу своих соплеменников на оседлый образ жизни: «для перевода к ней ее «пахотных» людей астраханские власти вынуждены были направить воинскую команду» [НА РК. Ф. И-36. Д. 103. Л. 14]. Тем не менее, несмотря на всяческие препятствия со стороны калмыцких властей, земледельческий тип хозяйствования стал понемногу пробивать себе дорогу.

По мнению калмыцких исследователей «в рамках общегосударственной политики, социально-экономического и политического развития в конце XVIII в. калмыцкие кочевники стали заниматься земледелием, хотя это было эпизодическим явлением в хозяйственной жизни населения Калмыцкой степи» (Команджаев, Горяев, 2014: 188). В 1760-х гг. в Калмыцком ханстве стали усиливаться кризисные явления, не только в связи с сокращением пастбищных земель, самовольным заселением русских крестьян, но и с активной колонизацией калмыцких земель Российским правительством. По всей Нижней Волге стали поселяться сотни семей донских казаков в районе основных кочевий калмыков, с отводом им лучших калмыцких земель. А с конца XIX—начала XX вв. российским правительством полностью

пересматривается земельная политика по отношению к кочевникам. У последних жестко изымались земельные угодья и массово на эти земли стали переселять русских крестьян из центральных губерний России. В силу этих причин, в 1830-х гг. усилился приток русских и украинских крестьян на калмыцкие земли. Эстонские переселенцы также обустроивались на землях, входивших в состав калмыцких кочевий. Калмыки более активно стали заниматься земледелием в начале XIX в. и массовые зачатки земледелия начали появляться в Хошеутовском и Малодербетовском улусах, на Ергенях и в низовье Волги. В указанный период земледелие у ногайцев также имело второстепенное значение и продолжало оставаться на невысоком уровне своего развития. В то же время, лучшие казахские земли в предгорных и низкогорных районах, лесостепной зоне, где количество атмосферных осадков превышало 400 мм, были отданы преимущественно под земледельческое хозяйство казачьим и русско-украинским крестьянам. А в засушливых районах степи, полупустыни и пустыни с минимальным поверхностным стоком находилось казахское земледельческое хозяйство, которое в силу бедности почвенных ресурсов, скудости водных запасов и аридности климата существовало только в качестве вспомогательной и второстепенной отрасли кочевого хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, кочевое население Российской империи по-прежнему продолжало вести кочевой образ жизни и заниматься главным образом кочевым скотоводческим хозяйством. Производственный цикл трудовой деятельности полностью зависел от природно-климатических условий. Выпас животных, процесс кочевания, выбор и распределение пастбищных угодий, а также другие основные элементы трудового процесса не претерпели никаких изменений в течение XIX–начала XX вв. и определялись только экономической и хозяйственной целесообразностью. Вследствие этого кочевой способ производства в Российском государстве сохранил в полной мере все свои основные параметры функционирования и не претерпел сколько-нибудь значительных изменений во второй половине XVIII–начале XX вв.

Литература

- Аджиниязова, А. К. (2017). Территория расселения и численность ногайцев Северного Кавказа в конце XVIII–середина XIX вв. *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 9. № 6/2. 53–58.
- Валиханов, Ч.Ч. (1985). *Собрание сочинений* [Текст]: в 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, Т. 2.
- Васютин, С.А. (2011). Проблемы формирования кочевно-оседлого общества в империи Ляо. *Вестник Бурятского государственного университета*, 7. История, 110–115.
- Васютин, С. А., Дашковский, П. К. (2009). *Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (Отечественная историография и современные исследования)*: монография. Барнаул.

Гильденштедт, И. А. (1999). *Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв.* Махачкала.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. (2009). В 3-х т. Т.1. Элиста: ГУ «Издательский дом “Терел”».

Златкин, И. Я. (1983). *История Джунгарского ханства. 1635–1758.* Москва: Наука.

Златкин, И. Я. (1982). Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* Москва, 255–268.

Команджаев, А. Н., Горяев, М. С. (2014). Переход калмыков к оседлости в XIX – начале XX веков: история изучения вопроса. *Вестник Исык-Кульского университета*, 27. 187–191.

Крадин, Н. Н. (2007). *Кочевники Евразии.* Алматы: Дайк-Пресс.

Крадин, Н. Н. (1992). *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики).* Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н. (2014). *Nomads of Inner Asia in Transition.* Moscow: URSS.

Крадин, Н. Н. (2001). Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы. *Вопросы истории*, 4, 21–32.

Марков, Г. Е. (1976). *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации.* Москва: изд-во МГУ.

Марков, Г. Е. (1989). Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе. *Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран.* Москва: изд-во МГУ, 54–75.

Масанов, Н. Э. (1987). Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества. *Вестник АН Казахской ССР*, 3.

Масанов, Н. Э. (1996). *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества.* Алматы: Социнвест–Москва: Горизонт.

Масанов, Н. Э. (1984). *Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков.* Алма-Ата: Наука Казахской ССР.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Скрынникова, Т. Д., Крадин Н. Н. (2006). *Империя Чингис-хана.* М.: «Восточная литература» РАН.

Скрынникова, Т. Д., Крадин Н. Н. (2013). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.* Санкт-Петербург: Евразия.

Толыбеков, С. Е. (1971). *Кочевое общество казахов в XVII–начале XX в. Политико-экономический анализ.* Алма-Ата.

Barfield, T. (1992). *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757.* Cambridge: Blackwell, (First published in 1989).

Barfield, T. (2000). *The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier.* Empires / Ed. by C. Sinopoli, T. D’Altroy, K. Morrison and S. Alcock. Cambridge: Cambridge University Press.

Haas J. (2001). (ed.). *From leaders to rulers.* New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Khazanov, A. M. (1981). *The Early State Among the Eurasian Nomads. The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague etc., 156-73.

Khazanov, A. M. (1984). *Nomads and the Outside World.* Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Adzhiniyazova, A. K. (2017). The territory of settlement and the number of Nogais of the North Caucasus at the end of the 18th-the middle of the 19th centuries. *Historical and socio-educational thought*, 9. No. 6/2, 53–58. (in Russian).
- Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Collected works* [Text]: in 5 volumes. Alma-Ata: Main edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia, Vol. 2. (in Russian).
- Vasyutin, S.A. (2011). Problems of formation of a nomadic-sedentary society in the Liao Empire. *Bulletin of the Buryat State University*, 7. History, 110–115. (in Russian).
- Vasyutin, S. A., Dashkovsky, P. K. (2009). *Socio-political organization of the nomads of Central Asia in late antiquity and the early Middle Ages (Domestic historiography and modern research)*: monograph. Barnaul (in Russian).
- Gildenstedt, I. A. (1999). *Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries*. Makhachkala. (in Russian).
- History of Kalmykia from ancient times to the present day*. (2009). In 3 volumes. T.1. Elista: GU "Publishing House "Gerel". (in Russian).
- Zlatkin, I. Ya. (1983). *History of the Dzungar Khanate. 1635–1758* Moscow: Nauka. (in Russian).
- Zlatkin, I. Ya. (1982). The main patterns of development of feudalism among nomadic pastoral peoples. *Types of social relations in the East in the Middle Ages*. Moscow, 255–268. (in Russian).
- Komandzhaev, A. N., Goryaev, M. S. (2014). Transition of the Kalmyks to a settled way of life in the 19th – early 20th centuries: the history of the study of the issue. *Bulletin of the Issyk-Kul University*, 27. 187–191. (in Russian).
- Kradin, N. N. (2007). *Nomads of Eurasia*. Almaty: Dike-Press. (in Russian).
- Kradin, N. N. (1992). *Nomadic societies (problems of formation characteristics)*. Vladivostok: Dalnauka. (in Russian).
- Kradin, N. N. (2001). Social system of nomads: discussions and problems. *Questions of History*, 4, 21–32. (in Russian).
- Markov, G. E. (1976). *Nomads of Asia. The structure of the economy and social organization*. Moscow: publishing house of Moscow State University. (in Russian).
- Markov, G. E. (1989). Theoretical problems of nomadism in Soviet ethnographic literature. *Historiography of the ethnographic study of the peoples of the USSR and foreign countries*. Moscow: Moscow State University, 54–75. (in Russian).
- Masanov, N. E. (1987). The dispersed state is the universal law of the life of a nomadic society. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*, 3. (in Russian).
- Masanov, N. E. (1996). *The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of the nomadic society*. Almaty: Sotsinvest–Moscow: Horizon. (in Russian).
- Masanov, N. E. (1984). *Problems of the socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII-XIX centuries*. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR. (in Russian).
- NA RK — National Archives of the Republic of Kalmykia
- Skrynnikova, T. D., Kradin N. N. (2006). *Empire of Genghis Khan*. M.: "Eastern Literature" RAS (in Russian).
- Skrynnikova, T. D., Kradin N. N. (2013). *Charisma and power in the era of Genghis Khan*. St. Petersburg: Eurasia (in Russian).
- Tolybekov, S. E. (1971). *Nomadic society of the Kazakhs in the XVII – early XX century. Political and economic analysis*. Alma-Ata (in Russian).